

повторялись и воспроизводились уже внутри российского общества. Во-вторых, невозможно игнорировать ряд сопутствующих сюжетов русско-польских литературных связей. Известное стихотворение М. Ю. Лермонтова «Опять, народные витии...» было реакцией на выступления Иаохима Лелевеля, который никогда не был депутатом французского парламента. А значит, пушкинское «витии» следует понимать шире. Кроме того, стоит обратить внимание на взаимоотношения Пушкина и Мицкевича. Как показано в новейших работах, события 1830–1831 годов коренным образом изменили взгляды последнего и в целом взаимоотношения двух поэтов.⁸⁸

Приведенный анализ историографии, французской прессы, пушкинской оды дает основания утверждать, что Пушкин обращался не конкретно к депутатам или конкретно к русским либералам. Скорее его возмущала сама по себе полонофильская риторика, а не ее конкретные носители. Антиномии стоит искать прежде всего в сфере языка и дискурсивных практиках, а не в политических взглядах поэта и российского общества. Пушкину было свойственно на разных этапах своего творчества увлекаться эстетикой и речевыми конструктами (но не всегда идеями) различных и иногда противоречащих друг другу «образов мыслей». Еще раз согласимся с С. А. Фомичевым: не стоит интерпретировать Пушкина плоско. Ода «Вольность» совсем не делает его радикальным революционером, так же и «Клеветникам России» не свидетельствует о мировоззренческом переходе к крайнему консерватизму.

⁸⁸ *Ивинский Д. П.* Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994; *Ларионова Е. О.* Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма // *К истории идей на Западе: «Русская идея»*. СПб., 2010. С. 184–205.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-103-108

© М. В. Безродный (ФРГ)

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ПИКОВОЙ ДАМЕ»: 11–16*

11

После того как Чаплицкий, проигравший *около трехсот тысяч*, был посвящен в тайну верных карт, он *поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул паролы, паролы-пе, — отыгрался и остался еще в выигрыше...*

Выиграть *соника* означало выиграть сразу: при вскрытии банкометом первой же пары карт оказывалось, что их достоинства различны и достоинство выпавшей налево совпадает с достоинством той, на которую поставил понтер.¹ Пассаж *загнул паролы, паролы-пе, — отыгрался*, позаимствованный из мемуаров Казановы (где: «загнул паролы, паролы-пе, сделал ставку и вернул все золото, что проиграл»²), нуждается в более пространным разъяснении.

* Продолжение цикла; начало см.: *Безродный М. В.* 1) Из комментария к «Пиковой даме»: <1–4> // *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Berlin u. a., 2020. P. 133–140; 2) Из комментария к «Пиковой даме»: 5–6 // *Slavica Revalensia*. 2020. Vol. 7. С. 233–239; 3) Из комментария к «Пиковой даме»: 7–10 // *Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно*. СПб., 2021. С. 48–52.

¹ О происхождении и значениях «sonica» см.: *Chauveau J.-P.* Français *ponte*, ou distinguer pour unir // *Estudis Romànics*. 2019. Vol. 41. P. 219–220.

² «...fit paroli, paix de paroli, le va et regagna tout l'or qu'il avait perdu» (Mémoires de J. Casanova de Seingalt. Paris, 1832. Т. 8. P. 340). О происхождении и значениях «le va» см.: *Chauveau J.-P.* Français *ponte*, ou distinguer pour unir. P. 223.

Чтобы производить наличный расчет только по окончании игры, размер ставок обозначали при помощи *пароли* — загибания угла карты и *пе* — перегибания карты параллельно краю.³ В обоих случаях размер ставки удваивался, но в первом случае удвоение распространялось на сумму первоначальной ставки, а во втором не распространялось. Чистый выигрыш понтера мог составить: при загибании одного угла — три куша, двух углов — семь кушей, трех углов — пятнадцать, четырех углов — тридцать один.⁴ При перегибаниях карты возможный выигрыш оказывался скромнее (три, шесть, двенадцать, двадцать четыре), зато в случае проигрыша понтер сохранял деньги, с которыми вступил в игру. Прием *пароли-пе* представлял собою удвоение не всей суммы, которой располагал понтер, выиграв *пароли*,⁵ а только суммы предыдущего чистого выигрыша.⁶

Нижеследующие примеры позволят представить себе, как эти приемы применялись: «...он стал просить меня, чтоб сделать маленький банк. Все другие тож желали играть. <...> Один маркиз сидел без игры, сказывая, что он отроду ни в какую игру не играл. Наконец ему скучно стало. Он вынул руспони (золотая монета ценою в три червонца) и сказал: я хочу это проиграть, но не знаю ни как играют, ни как считают. Ему сказали, чтоб он поставил червонец. Карта ему выиграла. Ему говорят: загни угол. Он загибает. Карта выиграла. Ему говорят: загни другой. Он загибает. Карта выиграла. Тут никто ему ничего не советует. Я сам загнул третий угол <его карты>. Карта выиграла. Мне жаль стало заплатить пятнадцать червонных. Я перегнул карту его пополам, думая, что убью. Она выиграла. Я стасовал карты и перегнул еще. Она выиграла. Я разгорячась перегнул еще. Она выиграла. Я в пущей горячности перегнул еще. Она выиграла. Меня бросило в пот. Я остановился. Маркиз, ничего не понимая, спрашивает: что сделалось? Стали считать и сказали ему, что он выиграл двести сорок червонных»;⁷ «Ир м у с. <...> Я еще поставлю. В о л ь м е р. На пе. Ир м у с. Нет... пароля. И г р о к и. Славно! То м с к о й. Не лучше ль на пе... В о л ь м е р. Эй... вернее, без про-

³ Такая деформация карт была типична для игры, известной в разновидностях под названиями «фараон», «банк», «штос(с)»; ср. эпизод полицейского расследования: «На допросе он сказал, что не играет ни в одну игру, а карты знает только по пасьянсу, который часто раскладывает. Все люди домашней прислуги подтвердили его слова. Но по обыску открыт был большой сундук, стоявший в передней. В нем оказалось большое количество карт, углы и края которых были загнуты в виде *паролей* и на *пэ*, что и составляло наглядное доказательство, что в доме играли в банк или в штос» (Воспоминания Осипа Антоновича Пржецлавского // Русская старина. 1883. Т. 39. С. 481–482).

⁴ Результат обозначался терминами «sept-et-le-va», «quinze-et-le-va» и «trente-et-un-le-va», где первое число — сумма кушей чистого выигрыша, а «le va» — первоначальная ставка.

⁵ Широко распространенное толкование; см., например: <Морозов П. О.> Примечания // Пушкин А. С. Сочинения и письма. СПб., 1904. Т. 5. С. 635; <Ашукин Н. С.> Карточная игра // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931. С. 173; <Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 79; Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1959. Т. 9. Стлб. 216; <Чхидзе Л. В. 1) О реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 457, 458; 2) Пометки Пушкина на письме к нему А. П. Плещеева: (Еще о реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме») // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973. С. 85; <Муравьева О. С. 1) Комментарии <к «Пиковой даме»> // Проспер Мериме = Pr. Mérimée — Alexandre Rouchkine = А. С. Пушкин: <Сб.>. М., 1987. С. 290; 2) Карты // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2003. Т. 1. С. 278; <Рак В. Д. Словарь устаревших и редко употребляемых слов // Пушкин А. С. Собр. соч. СПб., 1994. Т. 4. С. 494; Словарь языка Пушкина. М., 2000. Т. 3. С. 294; <Катаева И. Н. «Пестрый фараон»: История одной группы карточных терминов // Русская речь. 2005. № 6. С. 83; <Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI — начало XX в.): История игры и история общества. Томск, 2005. С. 103; <Вахитов С. Карточная терминология и жаргон XIX века: Словарь. Уфа, 2006. С. 104; Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2011. Т. 15. С. 414.

⁶ Ср.: «П у а <...> la paix de paroli, qui s'applique à ce qu'à produit le paroli, distraction faite de la première mise» (L'Encyclopédie méthodique, ou par ordre de matières... Paris, 1789. Т. 3. Р. 210); «Paix-Paroli. Is when a punter has gained a paroli, wishes then to play double or quits, and save his original stake» (Hoyle's games improved. London, 1800. P. 278).

⁷ Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштада в Константинополь. СПб., 1834. С. 94–95.

игрыша. Ир м у с. Если бы я боялся проигрыша, то бы не играл... *идет пароля*. <...> В о л ь м е р. Неужли еще? Ир м у с. Да... В о л ь м е р. Пароля пе. Ир м у с. Нет. <...> Два угла. И г р о к и. Л и х! Ч е к а л и н с к и й. Вот герой!».⁸

Вернемся к реваншу Чекалинского. Поставив 50 тысяч и выиграв, он *загнул паролы*, т. е. поставил 100 тысяч. После второго выигрыша в его распоряжении оказалось 200 тысяч. Из них он поставил 150 тысяч, перегнув карту (*паролы-пе*), и выигрыш составил 300 тысяч, иначе говоря, он *отыгрался и остался еще в выигрыше*, раз до того проиграл не 300 тысяч, а *около трехсот тысяч*. Отчего же, играя в третий раз, он перегнул карту, а не загнул второй ее угол, чтобы выиграть 400 тысяч? Оттого, что доступ к тайне предоставлялся, во-первых, только тому, кого игра в карты разорила, и, во-вторых, только для того, чтобы он отыгрался, а не обогатился.⁹

Эти условия Томским не упомянуты, но поддаются реконструкции при анализе игры Чаплицкого.¹⁰ Ни одно из них не будет выполнено, когда тайной верных карт воспользуется Германн, и наказанием за алчность — гнуснейший из пороков, по мнению обремененного долгами автора, — станет безумие.¹¹

12

Эпиграф к третьей главе: *Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire. Переписка (Вы пишете мне, мой ангел, письма в четыре страницы столь часто, что я не успеваю их прочесть)* напоминает слова Пушкина в переписке с женой: «Оно [твое письмо] обрадовало меня, мой ангел — но я все-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом.¹² Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырех строчках о себе и о детях».¹³

Этот упрек — реминисценция письма Вольтера к Дамилавиллю: «Дорогой брат, Вы меня изумляете. Мыслимо ли, будучи больным и обремененным делами, писать письма в четыре страницы? У меня, который ничем не обременен, едва станет сил на сочинение короткой записки».¹⁴ Тема четырехстраничных писем у Вольтера не редка: своих корреспондентов он просит присылать ему такие и благодарит за них.¹⁵

⁸ «Хризомания, или Страсть к деньгам» А. А. Шаховского / <Предисл.> публ. <и прим.> Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1999. С. 240.

⁹ Согласно одному из подсчетов, основанных на широко распространенном понимании *паролы-пе*, в конце игры Чекалинский располагал суммой в 400 тысяч (см.: *Дебрецени П.* Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1995. С. 205, 331), согласно другому — 500 тысяч (см.: *Шварцбанд С. М.* Логика художественного поиска А. С. Пушкина от «Езерского» до «Пиковой дамы». Иерусалим, 1988. С. 163, 230), а в опубликованном в 1999 году переводе на бурятский слова *еще остался в выигрыше* переданы как «<выиграл деньги> аманда орошогүй туй-лай ехэ (досл. 'настолько большие, что невозможно передать словами')» (цит. по: *Сундуева Е. В.* Отражение лексики карточной игры в переводах повести «Пиковая дама» А. С. Пушкина на монгольские языки // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 2 (31). С. 97).

¹⁰ Выполнение этих условий графиней и Чаплицким (и невыполнение Германном) было для автора «Пиковой дамы» важнее, чем совпадение игровых стратегий владеющих тайной; они различаются: графиня сделала ставку на каждую из трех карт, а Чаплицкий — три ставки на одну карту.

¹¹ Ср.: «А с третьего шелка / Вышибло ум у старика. / А Балда приговаривал с укоризной: / „Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной“» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. III. Кн. 1. С. 502).

¹² Имеется в виду сложенный пополам лист, все четыре стороны которого исписаны, так что образуется «круг».

¹³ Там же. Т. XV. С. 79; письмо от 12.09.1833. Отмечено в: *Niquex M.* Commentaires // Pouchkine A. La Dame de Pique; Le Nègre de Pierre le Grand. La Bibliothèque russe et slave, 2016. Электронное изд. Comment. 93.

¹⁴ «Cher frère, vous me ravissez. Comment pouvez-vous écrire des lettres de quatre pages, étant malade et chargé d'affaires? Moi, qui ne suis chargé de rien, j'ai bien de la peine à écrire un petit mot» (*Œuvres complètes de Voltaire.* Paris, 1821. Т. 52. Р. 475; письмо от 8.10.1764).

¹⁵ Например: «Que votre lettre soit plus longue que la mienne; je trouverai toujours plus de plaisir à lire une de vos lettres de quatre pages que vous n'en aurez à en lire de moi une de deux lignes»

13

Отмечалось сходство эпизода *белая женщина, скользнув, очутилась вдруг перед ним* с рассказами матери Пушкина о явлении ей в 1800-х призрака умершей родственницы, запечатленными в мемуарах пушкинского племянника: «Женщина эта, как показалось моей бабке, не шла, а скользила, как бы на коньках. <...> Странное же существо <...> скользя по полу, опять как бы на коньках, исчезает. <...> Загадочное существо <...> проскользнуло три раза вокруг комнаты и исчезло, как бабке показалось, в стене».¹⁶ Стоит, однако, учесть, что эти истории мемуарист слышал в пересказе (когда бабка умерла, ему было полтора года), а вот «Пиковую даму» читал.¹⁷

Как бы то ни было, до «Пиковой дамы» образ скользящего привидения в русской словесности не встречается. В отличие от английской, где он знаком уже елизаветинцам.¹⁸ В 1824 году Мэри Шелли назовет его старомодным,¹⁹ а Вашингтон Ирвинг, пародируя готический слог, напишет: «a figure all in white glided in».²⁰ Правда, в русских переводах этого места скольжение отсутствует («в комнату вошла человеческая фигура, вся в белом»,²¹ «человек в белой одежде предстал посреди комнаты»,²² «и явилось белое привидение»²³), но автор «Пиковой дамы» читал Ирвинга во французском переводе, где: «une figure toute vêtue de blanc se glisse dans la chambre».²⁴

14

Допрашивая графиню, Германн *вынул из кармана пистолет*. Поскольку карманов в офицерских панталонах не было, а «спрятать массивный, тяжелый пистолет²⁵ в кармане сюртука „петербургского покроя“ было невозможно»,²⁶ речь идет о портативной модели, которая умещается в курточном кармане.

Читатели «Пиковой дамы», следившие за новинками романистики, могли припомнить, что Жюльен Сорель, отправляясь на ночное свидание с мадемуазель де Ламоль и опасаясь, что его попробуют схватить, перезаряжает карманные пистолеты, с которыми не расстанется, и сходную предусмотрительность проявляет Рафаэль де Валантен, собирающийся провести ночь в доме графини Феодоры: за неимением романтического кинжала он вооружается английским перочинным ножичком, надеясь,

(Ibid. Т. 46. Р. 31; письмо от 10.02.1714); «Madame Scaliger, savez-vous bien que vous êtes adorable? Des lettres de quatre pages, des mémoires raisonnés, des bontés de toute espèce; mon cœur est tout gros» (Ibid. Т. 50. Р. 460; письмо от 13.10.1760).

¹⁶ Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлицева. М., 1890. С. 35–37; переключка отмечена в: Михайлова Н. И. Москва в петербургской повести Пушкина «Пиковая дама» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2011. Т. 70. № 1. С. 49.

¹⁷ Ср.: «Разумеется, можно предположить, что Л. Н. Павлицев, когда писал свои воспоминания, уже читал „Пиковую даму“» (Там же). В пользу этого предположения говорит упоминание «Пиковой дамы» мемуаристом (см.: Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлицева. С. 376).

¹⁸ «When as my gliding ghost shall follow thee» («Solimon and Perseda», 1588); «What are you, living men or gliding ghosts» («Edward III», 1593); «And loe (me thought) came glyding by my bed / The ghost of Pompey, with a ghastly looke» («Cornelia», 1594); «Why all these fires, why all these gliding ghosts» («Julius Caesar», 1599).

¹⁹ «...the true old-fashioned, foretelling, flitting, gliding ghost, — who has seen such a one?» (<Shelley M.> On ghosts // The London magazine. 1824. March. P. 254).

²⁰ <Irving W.> Tales of a traveller by G. Crayon. London, 1824. Vol. 1. P. 27.

²¹ Отрывок из «Рассказов одного путешественника». Соч. В. Ирвинга // Сын отечества. 1825. Ч. 102. № 14. С. 128.

²² Приключение моего дяди. Из «Повестей одного путешественника». Соч. Дж. Крейона (Вашингтон-Ирвинга) // Дамский журнал. 1825. Ч. 10. № 8. С. 53.

²³ Вашингтон-Ирвинг. Приключения моего дяди // Атений. 1829. Ч. 4. С. 479.

²⁴ Œuvres complètes de W. Irving. Paris, 1825. Vol. 1. P. 40.

²⁵ Имеется в виду кавалерийский пистолет, бывший штатным оружием инженеров.

²⁶ Файбисович В. М. Изображения пистолетов в пушкинских рукописях // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 17.

что подозрений это орудие литератора в случае обнаружения не вызовет, а защиту обеспечит.

15

По поводу фрагмента *В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну* было высказано следующее соображение: «Во всем этом отрывке самой непонятной с первого взгляда является усилительная частица *даже*. Почему выделена Лизавета Ивановна? Почему повествователь находит удивительным, что именно ее поразило сходство Германна с Наполеоном, раз „профиль Наполеона“ уже раньше она усмотрела в образе Германна? Два понимания возможны. Одно — такое: по замыслу автора, Германн действительно должен был очень походить на Наполеона. Ведь даже Лизавета Ивановна, разбитая, потрясенная, в своей мучительной горести поразила этим сходством. В таком случае частицей *даже* автор подчеркивал бы объективную близость Германна к Наполеону и косвенно — всю глубину горестного разочарования бедной воспитанницы. Однако Германн, как и позднее Раскольников у Достоевского, хотя и глядел в Наполеоны, но не дошел до них. Остается другое понимание: за частицей *даже* скрыта авторская ирония. Повествователь оставляет неопределенной субъективную окраску фразы: „В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона“. Комментирует ли эта фраза позу Германна только с точки зрения автора, или же она говорит только о том, что видела Лизавета Ивановна, подняв на Германна свои заплаканные глаза? Оба смысла сосуществуют в ней. Ведь признание Германна в убийстве старухи и даже название „чудовище“, брошенное Германну Лизаветой Ивановной, вообще весь ореол убийцы и разбойника могли только увеличить сходство Германна с романтическими героями («Корсар» Байрона) и в их числе — с Наполеоном, а не затемнить его в сознании Лизаветы Ивановны. Следующим предложением и частицей *даже* перед именем Лизаветы Ивановны автор слагает с себя долю ответственности за сравнение Германна с Наполеоном. Таким образом, здесь открыт путь к ироническому развенчанию мнимого Наполеона. Но оно происходит не сразу. Выходя от старухи, Германн действительно ведет себя Наполеоном».²⁷

Возможно и третье понимание: частица *даже* относится не к последующему объекту (*Лизавету Ивановну*), а к предшествующему сказуемому (*поразило*); ср. подобное употребление этой частицы у Пушкина: «Они клеветают даже скучно»; «...мысль не сдержат своего слова не пришла даже ему в голову»; «Позволяю, прошу даже».²⁸

16

В сцене отпевания вокруг гроба графини стоят *слуги в черных кафтанах с гербовыми лентами на плече и со свечами в руках*.

«Гербовые» — цветов родового герба.²⁹ Словосочетание «лента на плече» (калька нем. Achselband) нередко использовалось вместе с более употребительным «аксельбанты» (или «эксельбанты») и вместо него; например: «10 человек из домашних служителей в черных кафтанах, имея аксельбанты по гербу из лент <...> По сторонам кареты шли с каждой по два служителя в черных кафтанах, имея на плече аксельбанты из лент...»;³⁰

²⁷ *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941. С. 615–616.

²⁸ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. VI. С. 160; Т. VIII. Кн. 1. С. 116; Т. XIII. С. 153.

²⁹ Ср.: «...и на плечах чтобы у них был герб тех господ, чьи они будут» (Изъявления прибыточные государству, Федора Салтыкова, 1714 г. // Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 20).

³⁰ *Синельников Ф. М.* Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского с достоверным описанием частной или домашней его жизни от самого рождения до славной его кончины и погребения... СПб., 1814. Ч. 6. С. 171–172.

«...лакеи в черных кафтанах с аксельбантами из лент по цвету герба»;³¹ «Шесть лошадей тащили дроги; на них, под богатым балдахинном, качался роскошный гроб княгини Татьяны Сергеевны. Сотни факелов, разноцветные ленты на плечах прислуги, разноцветные гербы на лошадях, пестрота толпы и, наконец, бесконечная нить экипажей — все вместе составляло прекрасную картину»;³² «Заливаясь слезами, выражая свое сожаление о кончине Пушкина, она шепнула мне сквозь слезы, кивнув головою на стоявших у гроба официантов во фраках с пучками разноцветных лент на плечах: — *Voyez, je vous prie, ces gens: sont-ils insensibles?..* Хотя бы слезинку проронили!».³³

Мизансцена 'старая графиня в окружении слуг с лентами' напоминает описанную в начале второй главы: *Три девушки окружали ее. Одна держала банку румян, другая коробку со шпильками, третья высокий чепец с лентами огненного цвета.* Поясное изображение «пиковой дамы» как бы заключено в рамку — зеркала в сцене одевания и гроба в сцене отпевания.

³¹ Высочайше утвержденный церемониал погребения Московского военного генерал-губернатора, генерала от кавалерии светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына // История Московского купеческого общества, 1863–1913. М., 1916. Т. 2. Вып. 1. С. 674.

³² Все сочинения Василия Александровича Вонлярлярского. СПб., 1853. Ч. 1. С. 16.

³³ Мое знакомство с А. С. Пушкиным: (Из воспоминаний Александры Михайловны Каратыгиной) // Русская старина. 1880. Т. 28. Вып. 7. С. 572.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-108-122

© С. А. Кибальник

КРИПТОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ВЕЧНЫЙ МУЖ» (ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ)*

Рассказ Ф. М. Достоевского «Вечный муж» (1869) остается до сих пор во многом неразгаданным произведением. До конца не понятны личные импульсы, вдохновившие писателя на его создание. А без этого и центральная тема «Вечного мужа» — тема вины каждого человека за каждого, впоследствии как таковая сформулированная в «Братьях Карамазовых», а здесь развитая применительно к ситуации супружеской измены, — не выявляется во всей ее полноте.

1

Как предположила С. Гренье, рассказ Достоевского «Вечный муж» представляет собой реинтерпретацию романа А. И. Герцена «Кто виноват?» (1847), сюжет которого в нем как бы продолжен. В ходе этого продолжения точка зрения мнимого протагониста, героя-любownika Вельчанинова, подвергается сомнению с позиций обманутого мужа Трусоцкого.¹

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00333, ИРЛИ РАН).

¹ См. изложение ее доклада: *Grenier S. Dostoevsky's Polemic with Herzen in The Eternal Husband* // XV Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского «Достоевский и журнализм»: Тезисы докладов = XV International Dostoevsky Symposium «Dostoevsky and Journalism»: Abstracts. М., 2013. С. 40.